

Классика
в школе и дома

Михаил Абрамович
Гершензон

Робин Гуд

Москва

2018

УДК 821.161.1-34
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Г42

Оформление *О. Горбовской*

Гершензон, Михаил Абрамович.
Г42 Робин Гуд / М. А. Гершензон. — Москва :
Издательство «Э», 2018. — 192 с. : ил.
ISBN 978-5-699-86134-7 (Внеклассное чтение)
ISBN 978-5-699-86127-9 (Классика в школе)

Легенды о Робин Гуде изучают на уроках литературы в
6-м классе.

УДК 821.161.1-34
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-86134-7
ISBN 978-5-699-86127-9

© Оформление.
ООО «Издательство «Э», 2018

Глава первая,
*в которой рассказывается
о чудотворных мощах
святого Гуга и еще кое о чем*

А стрелы какие — длиною в ярд!
Оперенье — павлинье перо!
Блестящей насечкою радует глаз
Белое серебро.

Полная луна светила так ярко, что муравьи видны были на лесной тропинке. Серебряные ветви дубов бросали на траву черную тень, а там, где листва была реже, дымчатые столбы лучей тянулись к земле.

Возле сторожки лесничего, срубленной из толстых бревен, остановилась невзрачная лошаденка. Сухенький старичок неловко сполз с седла и, сильно припадая на одну ногу, проковылял к окну. Он постучал по доске, которой изнутри было закрыто окно, и к щелчке тотчас же прильнул недоверчивый глаз.

— Открой, добрый человек, — тихо сказал поздний гость. — Я совсем заплутался у вас в лесу.

Полоска красного света брызнула в щель, погасла, вспыхнула снова: хозяин сторожки вздул огонь.

— Кого еще там принесло? — раздался не-приветливый голос.

Старичок уткнулся бородкой в окно и громко закричал:

— Башмачник я, в Ноттингем еду за кожей, на ярмарку! Пусти переночевать, хозяин!

Загремел засов.

Тяжелая дверь отворилась, и в лунном свете блеснуло лезвие ирландского ножа. Черный Билль, лесничий королевских лесов, встретил позднего гостя на пороге.

— Ты один? — спросил лесничий, вглядываясь в тень за спиной старика.

— Как Адам, когда еще не было Евы, — повеселевшим голосом ответил старичок. — Впрочем, есть при мне кости святого Гуга.

Он вошел в сторожку, ведя за собой лошадь. Поставив лошадь в тот угол, где гремел о кормушку цепью жеребец лесничего, старичок скинул с плеча небольшую кожаную сумку.

Черный Билль, угрюмо насупившись, разглядывал гостя.

— А что у тебя в сумке, башмачник?

Старичок развязал котомку и поднес к носу лесничего десяток ножей, шильев и сверл. Лукаво ухмыляясь в седую бородачку, он заговорил быстро-быстро, так что Черный Билль не мог вставить ни словечка:

— Великое дело — мощи святого Гуга! Святой Гуг ведь тоже был бродячий башмачник, вроде меня. А когда накинули ему на шею петлю за то, что он полюбил прекрасную Финифред, он воскликнул в великом горе: «Слушайте, все башмачники, какие есть на божьей земле!

Мне нечего вам завещать. Жизнь у меня отнимает палач, мясо мое склюют жадные птицы. Я оставлю вам свои кости, пусть они принесут вам счастье». Нацеди мне кружку эля, хозяин, дай промочить горло с дороги. Хорош, хорош у тебя эль, лесник! Вот шли мимо виселицы веселые башмачники, слышат — стучат на ветру белые кости святого Гуга. «Глядите, — говорит один, — вот кости, что завещал нам святой!» — «А на что живому нужны мертвые кости?» — спрашивает другой. «Как на что? В этих костях такая же сила, как в мозгу бобра или в языке лягушки. Потому что, если ты высушишь мозг бобра, растолчешь в порошок и добавишь сычуга, который хозяйки кладут в сыр, и этой мазью натрешь порог, ни один вор не войдет в твой дом. А язык лягушки имеет такую силу, что если положишь его на грудь спящего, то спящий ответит тебе на всякий вопрос и расскажет, что будет завтра и через десять лет. А если лист чернобыльника положишь в башмак — хоть сорок миль пройди, не устанешь. А если кости святого Гуга башмачник положит в сумку...»

— Да постой, не тараторь, старик! — перебил гостя Черный Билль. — Никто не поверит тебе, что ты башмачник. Зачем башмачнику сверла? Уж больно знакома мне твоя борода. Не хромой ли ты стрельник из Трента? Как, и колчан у тебя при седле?

— А хоть бы и так, — не моргнув глазом, ответил старик. — Если мощи святого Гуга помогают башмачнику, почему бы им не сослужить службу доброму стрельнику?

— Какой же ветер занес тебя сюда, старик?

— Уж ты-то знаешь какой, — подмигнул гость. — Тот самый ветер, который тридцать лет не дает мне покою и таскает, как палый лист, по всему северному краю. Слышать, шериф в Ноттингеме объявил состязание лучников в День святого Петра? Значит, смекаю я, кому-нибудь да понадобятся меткие стрелы.

— А давно, однако, не видно тебя в наших лесах, — заметил лесничий, подливая старику темного эля.

— Да мало ли в Англии городов и сел! Рук-то у меня, на беду, только две. Трудно стало мне таскать по дорогам свои старые кости, а хороший стрелок всегда отыщет хромого из Трента. Только третьего дня приходили ко мне в Донкастер здешние молодцы. Говорят, красного зверя в Шервуде много, да шерифовы заставы караулят у каждого пня.

Черный Билль нахмурился.

— Смотри, старик, не сносить тебе головы! Я давно примечаю, у разбойников стрелы твоей работы.

— Ремесло наше такое. Разве ткач виноват, если веселые молодцы ходят в сукнах его работы? Были бы стрелы чисто сделаны, а чья рука их спустит с тетивы и в какую мишень, это дело не наше. Погляди, видал ты такие стрелы?

Стрельник прохромал к своей лошади, отвязал от седла объемистый кожаный колчан и положил его на стол перед лесничим.

— Вот на этих широких боевых — настоящие фландрские наконечники. Вот «игла» — по

мелкой дичи. Вот винтовая — для сильного ветра, — приговаривал мастер, бережно вытаскивая из колчана свои изделия. — Перья на ней заправлены наискось одно к другому, чтобы она вертелась на лету. Эта красная, с павлиньим пером, — для ветра с правой руки, а эта — для ветра с левой. Короткая — для дальнобойного лука, а эти, в ярд, — для шестифутового...

Черный Билль, вскидывая стрелы к глазу, проверял их прямоту. Вдруг он заметил, что стрельник, вытащив наполовину одну стрелу, поспешно упрятал ее обратно в колчан.

— Стой, стой! — воскликнул лесничий. — Покажи-ка мне ту, кленовую.

— Вот эту?

— Да нет же, ту, что ты спрятал, старик.

— То плохая стрела. Возьми лучше эту. Смотри, у нее ложбинка на пятке для воска, чтобы не соскальзывала с тетивы.

Но Черный Билль протянул уже руку и выдернул из колчана кленовую стрелу.

— Так эта, по-твоему, плохая, стрельник? Хитришь ты, как я посмотрю. Мне сдается, что лучшей нет у тебя в колчане.

Лесничий взял свой шестифутовый лук и приложил к тетиве блестящую полированную стрелу.

— Как раз и по луку! Клянусь распятием, с такой стрелой не страшен мне спор в Ноттингеме! Продай мне ее, старик!

Стрельник покачал головой.

— Эта стрела тебе не годится, парень. Видишь, она со свистом.

— Что это значит — со свистом?

— А вот в наконечнике у нее прорезана щелка. Ветер в нее входит, она и свистит на лету.

— Для чего же ты сделал стрелу со свистом? Мастер замаялся.

— Так уж... так уж мне было приказано, — пробормотал он.

— Ты скажи прямо, старик, для кого ты припас такую стрелу?

— Для одного молодца, который тоже будет в Ноттингеме на святого Петра.

Черный Билль, наморщив брови, так пристально посмотрел на хромого, словно хотел пронизать его взглядом.

— Что же, ты думаешь обмануть меня, старик? Или снова запоешь мне про мощи святого Гуга? Не видать Робин Гуду этой стрелы, потому что ты подаришь ее мне, лесничему королевских лесов!

— А если нет? — тихо спросил хромой стрельник из Трента.

— Если нет, — вспыхнул лесничий, — я отберу ее силой, а тебя научу, как таскаться по разбойничьим берлогам!

— Что ж, возьми, Черный Билль. Только смотри, никому ни слова, не то, пожалуй, кто-нибудь всадит мне в грудь стрелу моей же работы.

Кленовая стрела со щелкой в наконечнике исчезла в колчане лесничего.

Отобрав еще две такие же стрелы, Черный Билль отправил их в свой колчан следом за первой.

Глава вторая

О том, как шериф ноттингемский подарил Робину серебряную стрелу

Шериф приказал обыскать Ноттингам¹
И вдоль и поперек,
А Робин бродил по веселым лесам —
Веселей, чем на липе листок.

По всем дорогам, в селах и городах, герольды прокричали шерифово слово:

— Слушайте! Слушайте! Слушайте! Слушай, весь добрый народ, слушайте, охотники, воины и лесничие! Слушай всякий, кто носит лук и колчан! Этот крик кричит благородный шериф ноттингемский. На святого Петра мы призываем всех метких стрелков северной стороны на веселый спор. А кто лучше всех будет бить в мишени, тот получит в награду стрелу чистого серебра. Наконечник и перья у стрелы — красного золота! И будет назван тот стрелок первым лучником северного края по сю сторону Трента. Боже, храни короля Ричарда и Гроб Господень!

Кто на конях, кто пешком, поодиночке и дружными ватагами, от Мэнсфильда и от Оллертон потянулись лучники к Ноттингему.

Молодцы Робин Гуда, оставив в Шервуде и Бернисдэле свои зеленые плащи, порознь, в желтых, в синих, в коричневых куртках, пробрались в город мимо зорких шерифовых сто-

¹Ноттингам — старое написание.

рожей; этот в северные ворота вошел, тот въехал в южные на старом осле. А шерифовы слуги все ждали, когда же покажется в городе меткий стрелок со своей дружиной. Не для него ли по всем дорогам трубили в свой рог герольды?

Шериф и знатные гости взошли на помост, разукрашенный пестрыми лентами. По правую руку рядом с шерифом сидела его жена в туго зашнурованном лифе, с серьгами в ушах, с длинными косами в шелковых вышивных чехлах.

Стуча мечами по доскам, рассаживались рыцари по местам.

Густая толпа окружала просторное стрельбище — железные колпаки вояк вперемежку с широкополыми войлочными шляпами крестьян.

Четыре сотни лучников, позванивая тетивами, ждали начала состязания.

Маленький старичок с кожаной сумкой за плечами опустился на колени перед шерифом.

— Благородный лорд шериф, — промолвил он тихо, оглянувшись по сторонам, — если ты подаришь мне одну золотую марку, я скажу тебе, как найти среди этих стрелков разбойника Робин Гуда.

— А кто ты такой и что известно тебе о разбойнике, старик?

— Я стрельник из Трента, сэр. Я сделал для Робин Гуда стрелы, с которыми он прибудет на праздник. В наконечниках этих стрел я прорезал искусные щели, так что стрелы при полете будут петь протяжным и резким свистом. Разбойника не узнать среди других стрелков, пото-

му что он переоделся и выкрасил бороду. Но ты отличишь его по свистящим стрелам.

Шериф запустил руку в кошель, висевший у пояса, и бросил старику немного серебра.

— Ты заслужил награду, старик! Если твои стрелы помогут изловить разбойника, ты получишь новый кафтан и денег в придачу.

Он подозвал к себе начальника городской стражи и приказал ему выследить стрелка со свистящими стрелами, схватить его незаметно и тихо, чтобы не нарушить веселье праздника.

Между тем стрельба началась.

Круглая мишень была врыта в землю за двести двадцать ярдов от черты.

Прижимая коленом упругое дерево, стрелки сгибали луки, чтобы накинуть петлю тетивы на зарубку. словно стая птиц с резкими криками пронеслась над стрельбищем — это витые сухожилия запели под сильными пальцами.

То здесь, то там громко хлопала, лопаясь, слишком туго натянутая струна.

Черный Билль зорко всматривался в лица лучников.

Он узнал Маленького Джона, и Белоручку, и тощего стрелка, с которым однажды ему пришлось уже встретиться на стрельбищном поле за городскими стенами.

Но Робина не было видно.

Когда черед дошел до лесничего, он уверенной рукой пустил стрелу в мишень, и эта стрела пропела не громче, чем все другие, потому что лучший подарок хромого из Трента Черный Билль берег для трудного спора, который был впереди.

Слепец с двумя красными ямами вместо глаз протиснулся вперед, таща на ремне трехногую собаку.

— Безглазый с безлапым пришел! Дайте дорогу! — кричали ребята, и люди сторонились, чтобы пропустить слепца.

Все в Ноттингеме знали, что старый Генрих был когда-то первым стрелком на всю Англию, но шериф изловил его в королевском лесу на охоте и в наказание выколол ему глаза.

Парень в малиновой куртке положил руку слепому на плечо.

— Здравствуй, Генрих, — сказал он тихо. — Что не видать тебя в Шервуде?

— Приду, приду, стрелок, — вздрогнув, ответил безглазый. — И то заскучал в Ноттингеме.

Слепой склонил голову набок и долго прислушивался к жужжанию стрел.

— Эх, пострелять охота! — промолвил он.

Парень в малиновой куртке сунул в руки слепому свой лук и стрелу.

— А ты покажи им, Генрих, что для такой мишени и глаз не нужно.

Еще одна стрела прожужжала мимо и стукнулась в мишень.

— А клянусь Святой Троицей, покажу! — Безглазый улыбнулся широкой улыбкой. — Подержи моего пса, сынок. А ну-ка, ребята, поставьте меня у черты!

Запрокинув назад голову, он прошел к черте, у которой показывали свое искусство стрелки. Толпа притихла, глядя на горделивую осанку слепого.